

происходили дискуссии вокруг «Международной Церкви Сайентологии», которую государственные органы отказались признавать как религиозную организацию. В 1996 г. Бундестаг создал Комитет по расследованию и изучению сект и психогрупп. Вопреки ожиданиям, в 1998 г. Комиссия сделала вывод, что большинство НРД не представляют серьезной проблемы, и призвала правительство прекратить использовать уничижительные ярлыки, например, «культ», «секта». Во Франции и Германии коалиция церквей, организации по правам человека и религиоведы сыграли важную роль в прекращении антикультовой деятельности, в результате чего возможно союз АКД и правительства оказался тяжело достижимым.

Подводя общие итоги с изучаемой проблеме, автор статьи пришел к следующим выводам. АКД возникает как реакция на распространение на Западе, в 60 – 70-х гг. прошлого века, новых религиозных движений или культов. АКД – это организованная светская оппозиция новым религиозным движениям, которая критикует культы за то, что последние применяют неэтичные методы воздействия на психику своих адептов. В процессе своих исследований, они не принимают во внимание вероучения НРД и их доктринальные разногласия с традиционными христианскими конфессиями. Представителей АКД интересует функционирование культов в обществе, их влияние на физическое и психическое здоровье личности и прав человека лидерами НРД. Главная причина возникновения АКД основывалась на том, что в НРД практиковались «промывания мозгов» и «контроль сознания». Эти методы, по мнению антикультистов, оставляют членов новых религиозных групп личной свободой, одновременно навязывая им свои идеи, ценности и принципы. Это, в свою очередь, определило формы проявления антикультового движения – депрограммирование и попытки влияния на государственные органы в ограничении деятельности новых религиозных движений.

Библиографические ссылки

1. Hadden J. K. Conceptualizing «Anti-Cult» and «Counter-Cult» [Electronic resource] / Jeffrey K. Hadden. – Mode of access : <http://web.archive.org/web/20060827230938/http://religiousmovements.lib.virginia.edu/cultsect/biblio.htm> / – Title from the screen

lib.virginia.edu/cultsect/biblio.htm / – Title from the screen

2. Hadden J. K. Taxonomy of the Anti-Cult movement [Electronic resource] / Jeffrey K. Hadden. – Mode of access : http://web.archive.org/web/topic/Opposition_to_cults_and_new_religious_movements. – Title from the screen.

3. Barker E. Watching for Violence: A Comparative Analysis of the Roles of Five Types of Cult-Watching groups [Electronic resource]. / Eileen Barker. – Mode of access : <http://www.cesnur.org/2001/london2001/barker.htm> – Title from the screen.

4. Иваненко С. Религиоведческие аспекты изучения антикультового движения и его воздействия на государственно-конфессиональные отношения в современной России [Электронный ресурс] / С. Иваненко – Режим доступа : <http://religiopolis.org/publications/22-ivanenko.html> / – Заголовок з екрану.

5. Мартинович В. А. Введение в понятийный аппарат сектоведения: пособие для студентов Института теологии БГУ [Текст] / В. А. Мартинович. — Минск : БГУ, 2008. — 103 с.

6. Langone M. Deprogramming: An analysis of parental questionnaires [Text] : article / M. Langone // Cultic Studies Journal, 1984. – №1, P. 63–79.

7. Garvey K. Counseling approaches [Text] / K. Garvey // Symposium on cults and satanism. – Greenwood : CPC Valle Vista Hospital. – 1988, April 26.

Пашковський О.С. Форми прояву антикультового руху. Розглянуто антикультовий рух. Проаналізовано визначення понять «антикультовий рух» з позицій зарубіжних та українських дослідників. Показано форми прояву антикультового руху – депрограмування та спроби впливу на державні органи по обмеженню діяльності нових релігійних рухів.

Ключові слова: антикультовий рух, депрограмування, культ, новий релігійний рух, секта.

Pashkovskiy O. The Forms of Manifestations of Anti-Cult Movement.

The article considers the anti-cult movement. Analyzed is the definition of «anti-cult movement» from the standpoint of foreign and domestic researchers. Shows the forms of manifestation of anti-cult movement – deprogramming and attempts to influence the public authorities in restricting the activities of new religious movements.

Key words: anti-cult movement, cult, deprogramming, new religious movement, sect.

Надійшла до редакції: 03.04.14 р.

УДК 167/168

К. В. Райхерт

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

СОЦИОЛОГИЯ ЛОГИКИ: ПОНЯТИЕ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ

Возможны различные подходы к определению понятия «социология логики». Социология логики может быть рассмотрена как раздел социологии знания (1), науки (2), математики (3) и философии (4). Это позволяет раскрыть логику с различных социологических позиций – и как когнитивную форму, и как науку, и как математику, и как философию.

Ключевые слова: социология логики, социология математики, социология философии, социология науки, социология знания.

В 2003 году во Франции Клод Розенталь опубликовал книгу «La trame de l'évidence: sociologie de la démonstration en logique» [4]. Буквально название монографии трудно перевести, так как французское слово «trame» обладает несколькими значениями (коннотациями): 1) «ткань», 2) «структура». Так что, здесь обнаруживается некая игра значений: либо «ткань очевидности», либо «структура очевидности». Подзаголовок можно перевести так: «Социология логического доказательства». Основываясь на подзаголовке и четкой связи с одним из значений слова «trame», можно дать следующий полный перевод названия монографии К. Розента-

ля – «Структура очевидности: социология логического доказательства».

Однако в 2008 г. монография К. Розенталя была переведена на английский язык под следующим названием: «Weaving Self-Evidence: A Sociology of Logic» [5]. Слово «weaving» очевидно связано с первым значением французского слова «trame» – «ткань», но теряет всю прелесть игры значений, предложенной в оригинальном названии автором. Вторая часть названия сбивает с толк: оригинальное «evidence» представлено в английской версии как «self-evidence» «самоочевидность»; то есть был сделан переход от объективности французского «evidence» к субъективно-

сти англійського «self-evidence».

Тем не менше, самым интересным здесь является подзаголовок монографии К. Розенталя в английском переводе – «A Sociology of Logic». Переводчик книги К. Розенталя на английский язык – Кэтрин Портер изобрела новый научный термин – «социология логики», перейдя от более специфической «социологии логического доказательства» к более абстрактной «социологии логики». Наиболее примечательным является тот факт, что Клод Розенталь признал новый термин и стал разрабатывать социологию логики, хотя сам К. Розенталь так и не предложил ясное определение понятия «социология логики» и тем самым не обозначил эпистемологические рамки социологии логики как специализированной дисциплины.

В настоящей работе я предприму попытку определить понятие «социология логики» и её эпистемологические рамки как специализированной дисциплины.

Здесь я не случайно связываю определение понятия с установлением эпистемологических рамок предмета, за которым стоит данное понятие. Определение как логическая операция (логический шаг) является наиболее экономным способом выделить определённую отдельного предмета, а это требует, прежде всего, выделения наиболее значимых признаков, описывающих предмет, и отбрасывания менее значимых. Поскольку нет абсолютных и универсальных критериев выделения наиболее значимых признаков предмета, постольку само выделение зависит в полной мере от того, кто выделяет, его понимания предмета, его концептуальной схемы и когнитивной системы. Отсюда эпистемологические рамки предмета (то есть что и как изучается в предмете) зависят от того, как познающий определяет понятие о предмете, так как определённое понятие ограничивает познаваемость самого предмета.

Пожалуй, я начну своё исследование с понимания того, что в современной логике господствует такая точка зрения, согласно которой логика выделяется из философского знания в самостоятельную науку. Наиболее чётко эта точка зрения выражена в следующих словах финского философа и логика Георга Хенрика фон Вригта: «Я попытался дать обзор развития логики в этом столетии как постепенного прогресса от философской очарованности кризисом в основаниях математики и замешательства, вызванного переоткрытием областей исследования, долго не разрабатывавшихся, к возрастающей ясности, точности и рассудительности. Но логика, таким образом преобразованная, перестаёт быть философией и становится наукой» [8, p. 23].

Если логика рассматривается как наука, то социология логики должна рассматриваться как часть социологии науки. Между тем здесь возникает одна проблема: существует множество различных социологий науки, которые часто отождествляются с социологиями знания. Социология науки рассматривается как отрасль социологии научного знания. Более того, существует множество различных социологий знания с тех времён, когда Пауль Хонигшайм, Эрнст Грюнвальд, Макс Шелер и Карл Майнхайм ввели в употребление термин «Wissenssoziologie» («социология знания») в 1920-е гг. В настоящем исследовании я буду придерживаться социологии знания и науки Роберта К. Мертонна. В данном случае мой выбор социологии знания носит случайный характер, так как я полагаю, что невозможно выработать такой критерий, который бы оправдал рациональный выбор определённой концепции социологии знания.

Согласно Р.К. Мертону социология знания

(Wissenssoziologie), «прежде всего, интересуется отношениями между знанием и другими экзистенциальными факторами (existential factors) в обществе или культуре» [2, p. 7]. Далее Р.К. Мертон понимает «науку» как: «1) набор характерных методов, с помощью которых проверяется знание; 2) запас (a stock) накопленного знания, полученного в результате применения этих методов; 3) набор культурных ценностей и нравов, управляющих деятельностью, обозначаемой как «научная»; 4) любая комбинация предыдущих пунктов» [2, p. 268]. В общем и целом, согласно Р.К. Мертону, по крайней мере, исходя из его определений «социологии» и «науки», социология науки – это социология знания, которая интересуется отношениями между наукой и другими экзистенциальными факторами в обществе или культуре. Более точно: социология науки – это социология знания, которая интересуется отношениями между 1) набором характерных методов, с помощью которых проверяется знание; 2) запасом накопленного знания, полученного в результате применения этих методов; 3) набором культурных ценностей и нравов, управляющих деятельностью, обозначаемой как «научная»; 4) любой комбинацией предыдущих пунктов и другими экзистенциальными факторами в обществе или культуре.

На основе вышеприведённого определения понятия «социология науки» я хочу предложить сейчас предварительное определение понятия «социология логики»: социология логики – это социология науки, которая интересуется отношениями между логикой и другими экзистенциальными факторами в обществе или культуре, или, если определять точнее, социология логики – это социология науки, которая интересуется отношениями между 1) набором характерных методов, с помощью которых проверяется логическое знание; 2) запасом накопленного знания, полученного в результате применения этих методов; 3) набором культурных ценностей и нравов, управляющих деятельностью, обозначаемой как «логическая»; 4) любой комбинацией предыдущих пунктов и другими экзистенциальными факторами в обществе или культуре.

Тем временем здесь можно поставить вопрос: «Является ли логика независимой наукой или разделом какой-то другой науки?», чтобы прояснить статус социологии логики. Один из возможных ответов может быть найден в позиции британского философа и логика Бертррана Рассела: «Математическая логика, даже в своей современной форме, не представляет непосредственной философской важности, кроме как в своих началах. После начал она принадлежит скорее математике, чем философии» [7, p. 50]. С этой позицией солидарен Людвиг Витгенштейн: «Die formale Logik – ein Teil der Mathematik («Формальная логика – это часть математики»)» (quoted by: [8, p. 24]).

Данная позиция, разделяемая двумя выдающимися философами и логиками XX века, вполне объяснима с точки зрения истории и социологии математики.

Дело в том, что в XIX в. проведённая университетская реформа в Германии потребовала от математиков новизны исследования, но «с явным уклоном к чистому познанию вне какого-либо практического применения. Процесс дисциплинарной дифференциации отделил математику от физики и астрономии, способствуя направленности на абстракции» [2, p. 697]. Это привело к необходимости строгости в математических исследованиях. С точки зрения социологии математики «строгость – это форма, которую принимает бюрократизация внутри общества математиков, когда к формальным правилам

начинають относиться как к значимым самим по себе. В немецких университетах независимость от прикладной работы разрушила связь математики с физическими интерпретациями и устранила источник оправдания наглядных понятий» [2, р. 698–699]. Важно понимать, что строгость осуществлялась с помощью аксиоматизации, систем аксиом: «Как только была представлена система аксиом, стало возможным варьировать их состав, отвергая или устраняя некоторые аксиомы и исследуя открывающийся при этом математический мир. Таким способом в 1840-е годы были развиты некоммутативные алгебры, к примеру, кватернионы. Наиболее знаменитыми из подобного рода разработок были неевклидовы геометрии, ставшие широко известными в 1860-е годы (хотя они были сформулированы уже в 1820-е годы, а контуры их были намечены ещё в 1760-е годы), поскольку они заставили признать, что математика больше не нуждается в физических интерпретациях. В этой новой игре высшей математики специально строились такие целостности, свойства которых парадоксальны с точки зрения здравого смысла: непрерывные функции без производных в какой-либо точке интервала; кривые без длины или кривые, полностью заполняющие пространство; геометрии в n -мерном пространстве. Парадоксы даже ещё больше стимулировали движение в пользу строгости; не доверяя более пространственной интуиции и осознав наивность принятия традиционных предпосылок как самоочевидных, математики начали разделяться на движения, соперничавшие в области построения оснований» [2, р. 699–700], что в итоге привело к возникновению трёх главных направлений в философии математики начала XX века: логицизму, формализму и интуиционизму.

Так или иначе, направленность на строгость и абстракцию в математике была экстраполирована на формальную логику, что дало неожиданные результаты. Так, была обнаружена следующая аналогия: с помощью математических операций (сложения, вычитания, умножения и так далее) строятся алгебраические выражения из чисел и переменных; подобного рода операции можно проделывать с логическими выражениями; в результате в логике возникают так называемые «булевы» или «позиционные формулы», строящиеся на булевых функциях и булевых переменных, то есть переменных, принимающих значения «истина» или «ложь». Таким образом, закладываются основы для классических логик высказываний и предикатов, разработанных Г. Фреге. Возможность варьировать состав системы аксиом в математике открыла дорогу для варьирования количества значений, которые могут принимать переменные в логике (многозначные логики, где возможны не только два значения «истина» и «ложь»), и отказа от законов логики, принятых как в традиционной логике, так и в классической логике (так называемые «неклассические и нестандартные логики»). Всё это позволило формальной логике интегрироваться в математику в качестве её специализированной научной дисциплины.

Итак, получается, что логика является разделом математики, – из этого следует, что социология логики должна рассматриваться как раздел социологии математики. «Социология математики» является родовым понятием для «социологии логики». В таком случае определение понятия «социология логики» можно переписать так: социология логики – это социология математики, которая интересуется отношениями между логикой как математической дисциплиной и другими экзистенци-

альными факторами в обществе или культуре, или, если определять точнее, социология логики – это социология математики, которая интересуется отношениями между 1) набором характерных методов, с помощью которых проверяется логическое знание; 2) запасом наколенного знания, полученного в результате применения этих методов; 3) набором культурных ценностей и нравов, управляющих деятельностью, обозначаемой как «логическая»; 4) любой комбинацией предыдущих пунктов и другими экзистенциальными факторами в обществе или культуре.

Отдельно следует говорить о социологии философии. Здесь я должен сразу оговорить, что я не рассматриваю философию как науку в силу того, что философия в отношении науки исполняет метафизическую (создаёт основания науки), методологическую (предоставляет науке теоретические инструменты познания) и рефлексивную (осмысливает и исследует науку как особый вид познавательной деятельности) функции, то есть в действительности исполняет метанаучную функцию, хотя при этом сама философия может интересоваться не только чисто научной проблематикой. По аналогии с вышеприведённым определением «социологии науки» я определяю «социологию философии» как социологию знания, которая интересуется отношениями между 1) набором характерных методов, с помощью которых проверяется философское знание; 2) запасом наколенного знания, полученного в результате применения этих методов; 3) набором культурных ценностей и нравов, управляющих деятельностью, обозначаемой как «философская»; 4) любой комбинацией предыдущих пунктов и другими экзистенциальными факторами в обществе или культуре.

С точки зрения её истории логика долго считалась философской дисциплиной; традиционная логика по-прежнему ею остаётся. Обычно под «традиционной логикой» понимается определённый этап развития логики. Этот этап затрагивает развитие учений о понятии, суждении, умозаключении, доказательстве (силлогистика, дедукция, индукция, выводы по аналогии). Основной толчок развития данного этапа был дан древнегреческим философом Аристотелем, поэтому иногда «традиционную логику» обозначают как «аристотелевская логика», что не совсем верно, так как у Аристотеля не было учения о понятии; учение о понятии – это уже достижение «Логики Пор-Рояля».

По большому счёту традиционная логика представляет интерес для историков философии и науки, но не для современных логиков. Например, Бертран Рассел полагал, что традиционная логика «определённо устарела, как птолемеевская астрономия» [6, р. 195]. Вдобавок Б. Рассел заключает, что «аристотелевское учение, о которой мы говорили в данной главе, всецело ложно, исключение составляет разве что теория силлогизма, которая имеет значения. Любой, кто сегодня желает научиться логике, только потратит своё время, если будет читать Аристотеля или его учеников» [6, р. 202].

Так или иначе, традиционная логика представляет определённый интерес для социологии философии, по крайней мере, в дидактическом аспекте, потому что традиционная логика до сих пор изучается в некоторых университетах мира как дань университетской традиции.

Тем не менее, можно поставить вопрос: «Является ли только традиционная логика специализированной философской дисциплиной или нет?» Скорее всего – нет, так как в современной формальной логике существу-

ют также так называемые «философские логики». Для того чтобы представить себе, что такое «философская логика», необходимо обратиться к классификации логических систем, предложенной американским логиком и методологом науки Джоном П. Бёрджессом.

Классификация логических систем Дж. П. Бёрджесса возникает в результате попытки понять, чем отличается философская логика от классической логики. В итоге Бёрджесс приходит к следующей мысли: «Философская логика, как она здесь понимается, является той частью логики, которая имеет дело с тем, что классическая логика не учитывает или что предположительно понимает неправильно» [6, р. 1]. По мнению Дж.П. Бёрджесса, «классическая логика в действительности была создана для анализа математических аргументов. Она была значительно шире, чем традиционная силлогистическая логика, на смену которой она пришла, но всё равно оставались темы большего философского интереса, которые классическая логика отменяла по причине того, что они не были важными для математики. В математике факты никогда не были и не будут, а также не могут быть, ни чем другим, как тем, что они есть. Следовательно, классическая логика в целом отмечает различия между прошлым и будущим или между необходимым и возможным. Когда классическая логика пытается анализировать вопросы времени и модальности, она выходит за свои пределы, потому что проблема времени и модальности – это уже не математические темы, а скорее – философские» [6, р. 1]. Здесь, по всей видимости, сказывается отказ современной математики от упоминавшихся ранее физических интерпретаций и наглядных понятий, поэтому выход классической логики за пределы математики представляет собой выход на территорию философии. Это свидетельствует о том, что ещё не вся современная формальная логика поглощена математикой; остались ещё области интереса философии.

В рамках социологии философии социология логики может быть определена как социология философии, которая интересуется отношениями между 1) набором характерных методов, с помощью которых проверяется логическое знание; 2) запасом накопленного знания, полученного в результате применения этих методов; 3) набором культурных ценностей и нравов, управляющих деятельностью, обозначаемой как «логическая»; 4) любой комбинацией предыдущих пунктов и другими экзистенциальными факторами в обществе или культуре.

Итак, как можно видеть, логика является дисциплиной математики и дисциплиной философии. Отсюда можно сделать вывод, что социология логики является и социологией математики и социологией философии. Это порождает вопрос: «Как взаимодействуют между собой социология логики как социология математики и социология логики как социология философии?»

По всей видимости, логика должна рассматриваться как определённая когнитивная форма, которая существует в эпистемологических рамках философии и математики. Это означает, что природа, механизмы порождения, распространения и функционирования логики находятся в зависимости от того, в рамки какой области исследования сама логика помещена – в рамки математики (тогда логика превращается в математическую науку) или в рамки философии (тогда логика становится философской дисциплиной). В таком случае социология логики должна исследовать логику как когнитивную форму, учитывая эпистемологические рамки математики и философии. Чтобы это сделать, социологии логики

необходимо подняться над социологиями математики, науки и философии и стать на позицию социологии знания. Это означает, что социология логики должна рассматриваться как раздел социологии знания. В свою очередь это предполагает следующее определение понятия «социология логики»: социология логики – это социология знания, которая интересуется отношениями между логикой и другими экзистенциальными факторами в обществе или культуре, или, если быть точнее, это социология знания, которая интересуется отношениями между 1) набором характерных методов, с помощью которых проверяется логическое знание в эпистемологических контекстах математики и философии; 2) запасом накопленного знания, полученного в результате применения этих методов; 3) набором культурных ценностей и нравов, управляющих деятельностью, обозначаемой как «логическая»; 4) любой комбинацией предыдущих пунктов и другими экзистенциальными факторами в обществе или культуре.

Тем не менее, я должен учитывать ещё одну возможность. Я не должен исключать тот факт, что в современных условиях развития философии и науки логика перестаёт быть частью философии или математики и становится действительно отдельной самостоятельной полноценной наукой. В таком случае не имеет значения, существует ли логика в эпистемологических рамках философии или математики; теперь имеет значение «логическое» так же, как «социальное» имеет значение в социологии. Это приводит меня обратно к первому определению понятия «социология логики» – социологии логики как социологии науки.

Как бы там ни было, все вышеприведённые определения понятия «социология логики» имеют право на существование, так как они позволяют раскрыть логику с различных социологических позиций – и как когнитивную форму, и как науку, и как математику, и как философию.

Библиографические ссылки

1. Burgess J. P. *Philosophical Logic* [Text] / John P. Burgess. – Princeton : Princeton University Press, 2012. – 168 p.
2. Collins R. *The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change* [Text] / Randall Collins. – Harvard : Belknap Press of Harvard University Press, 2000. – 1098 p.
3. Merton R. K. *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations* [Text] / Robert K. Merton. – Chicago : The University of Chicago Press, 1973. – 636 p.
4. Rosental C. *La trame de l'évidence: sociologie de la démonstration en logique* [Text] / Claude Rosental. – Paris : Presses universitaires de France, 2003. – 367 p. – (Collection Sciences, modernités, philosophies).
5. Rosental C. *Weaving Self-Evidence: A Sociology of Logic* [Text] / Claude Rosental; trans. Catherine Porter. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 2008. – 296 p. – (Princeton Studies in Cultural Sociology).
6. Russell B. *A History of Western Philosophy* [Text] / Bertrand Russell. – New York : Simon and Schuster, 1945. – 895 p.
7. Russell B. *Our Knowledge of the External World as a Field for Scientific Method in Philosophy* [Text] / Bertrand Russell. – London : George Allen & Unwin Ltd., 1949. – 254 p.
8. Wright G. H., von. *Logic and Philosophy in the Twentieth Century* [Text] / Georg Henrik von Wright // Wright G. H., von. *The Tree of Knowledge and Other Essays*. – Leiden: Brill Academic Pub, 1997. – *Philosophy of History and Culture*. Book 11. – P. 7–24.

Райхерт К.В. Соціологія логіки: поняття й епістемологічні рамки.

Можливі різні підходи до визначення поняття «соціологія логіки». Соціологія логіки може бути розглянута як розділ

соціології знання (1), науки (2), математики (3) та філософії (4). Це дозволяє розкрити логіку з різних соціологічних позицій – або як когнітивну форму, або як науку, або як математику, або як філософію.

Ключові слова: соціологія логіки, соціологія математики, соціологія філософії, соціологія науки, соціологія знання.

Rayherth K. Sociology of logic: the concept and the epistemological framework.

There are different approaches to definition of «sociology

of logic». Sociology of logic can be considered as a branch of sociology of knowledge (1), of science (2), of mathematics (3), and of philosophy (4). It allows us to study logic from the different sociological perspectives: as a cognitive form, as a science, as a mathematics, and as a philosophy.

Key words: sociology of logic, sociology of mathematics, sociology of philosophy, sociology of science, sociology of knowledge.

Надійшла до редколегії: 11.04.14 р.

УДК 141.7:316.647.8:004.735.5

В. О. Роєнко

Національний технічний університет України «Київський політехнічний інститут»

ФОРМИ І СФЕРИ ПРОЯВУ СОЦІАЛЬНИХ СТЕРЕОТИПІВ В УМОВАХ КІБЕРПРОСТОРУ ТА ПОЗА ЙОГО МЕЖАМИ

У галузі соціальної філософії розглянуто основні питання та проблеми щодо феномену соціальних стереотипів в Інтернет-комунікаціях. Проаналізовано різні підходи до розуміння соціальних стереотипів. Досліджено думки студентів щодо буденних загальних уявлень про стереотипи. Обґрунтовано доцільність дослідження форм та сфер проявів соціальних стереотипів в умовах кіберпростору та поза його межами. Основні методи дослідження: історичний, логічний, описовий, порівняльний, спостереження та контент-аналізу. Використано системний підхід. Соціальні стереотипи представлені як соціально значима інформація поширювана в кіберпросторі. Дійшли висновку, що соціальні стереотипи притаманні усім людям і є невід'ємною частиною їх єства. Вони мають свою специфіку і притаманні як для кіберпростору, так і поза ним, адже існували ще задовго до його появи.

Ключові слова: соціальний стереотип, інформація, комунікації, Інтернет-комунікації, кіберпростір.

Актуальність обраних об'єкту та предмету дослідження полягає в тому, що кожного дня будь-яка людина сучасного суспільства стикається з неймовірними масивами інформації, звичайно, їх обсяг залежить у більшій мірі від її роду діяльності, тобто займається особистістю переважно інтелектуальною чи фізичною працею, проживає у мегаполісі чи невеличкому селищі тощо. Людство стикається із проблемами надлишкової інформації, фільтрації інформації на корисну і непотрібну, дійсну і хибну, за участю свідомості чи підсвідомо. Саме у цей час неабиякої актуальності набуває феномен соціального стереотипу, у всіх його проявах, чи то для схематизації інформації, чи то для економії зусиль, чи то як особливість людського єства піддавати все певній категоризації.

Ні для кого не секрет, що сучасна епоха відрізняється від усіх попередніх саме тим, що інформація і знання виступають як товар і необхідність сучасного існування. Поряд із фізичною реальністю функціонують нефізична і віртуальна, людина виступає не лише як біологічна і соціальна істота, але й як істота, що тісно співіснує із штучним інтелектом, комп'ютерами і механізмами, а новітні технології є продовженням людських можливостей, а подекуди невіддільні від людини. Саме тому соціальні стереотипи стали цікавим і багатограним об'єктом наукових соціально-філософських досліджень у сучасну добу.

Поняття соціальний стереотип з'явилося і розглядалося як об'єкт наукового дослідження на початку ХХ ст., тобто ще до «вибуху» інформаційних технологій, що зрозуміло не могло не вплинути на подальший розвиток досліджень даного феномену, адже в нових умовах він також зазнав значних трансформацій. Однак, соціальний стереотип зацікавив науковців не випадково саме на початку ХХ ст., адже цей період історично пов'язаний із пропагандою, поширенням певної суспільної думки напередодні I і II Світових війн. Основним засобом розповсюдження соціальних стереотипів була преса та міжособистісні комунікації.

Проблема дослідження соціальних стереотипів сучасності у загальному вигляді полягає в тому, що дане поняття із сфери наукової надто швидко і міцно

вкоренилося у повсякденній свідомості людей. Вони використовують його на роботі, у повсякденних комунікаціях навіть частіше, ніж ми можемо собі це уявити, однак при цьому розуміючи різні його аспекти та прояви, переважно негативного характеру. І коли сьогодні річ іде про соціальні стереотипи, то вони обов'язково пов'язуються із засобами масової комунікації та інформації, політикою, Інтернетом, соціальними, етнічними групами, маніпуляцією людською свідомістю тощо. Адже поняття соціальні стереотипи є дійсно узагальненим, яке передбачає пояснення та інтерпретацію даного феномену з точки зору форм його проявів (наприклад, поведінка, образ, мислення), так і сфер застосування (наприклад, побут або наука, повсякденність, фізична реальність або кіберпростір, чи простішими словами Інтернет-середовище). Узагальнення та дослідження конкретних проявів функціонування стереотипів, дозволить краще, більш системно розібратися із самим визначенням поняття. А також слід зазначити, що соціальні стереотипи є результатом діяльності нашої свідомості і підсвідомості, тобто нематеріальним об'єктом дослідження, а прояви стереотипів не завжди, але можуть матеріально фіксуватися у вигляді візуалізованих образів, слів, поведінки тощо, що сприяє їх досконалішому дослідженню.

Аналіз останніх досліджень і публікацій показав, що науковців турбують питання соціальних стереотипів у сфері філософії та соціальної філософії, про що свідчить значна кількість публікацій та захищених дисертацій в Україні та країнах близького зарубіжжя (Р.А. Лавлінський, Л.О. Боровська, Р.В. Базиков). Не менш важливими є дослідження в сфері інформації, комунікацій, Інтернет-комунікацій та кіберпростору (Л.В. Скворцов, Т.В. Науменко, Т.В. Русевич, І.В. Девтеров). Однак, класичні публікації теж не втрачають своєї актуальності (Т. Нельсон, Д. Мацумото, У. Липпман). Однак, досліджень присвячених їх проявам та сферам застосування соціальних стереотипів надзвичайно мало, що говорить про доцільність їх дослідження.

Ціллю нашого дослідження є комплексно дослідити особливості трансформації та відображення у реальному